

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Васкэ Е.В.

Психическое и психологическое воздействие
в уголовном процессе – к определению понятий

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оказанием различных видов воздействия на допрашиваемого в уголовном процессе (физического, психического, психологического). Выделены критерии правомерности оказания воздействия в ходе проведения следственных действий. Представлены формы реализации, результат и формы его выражения при оказании как правомерного, так и неправомерного воздействия на личность допрашиваемого.

Ключевые слова: психологическое воздействие, психическое воздействие, физическое воздействие, неправомерное воздействие, правомерное воздействие, понуждение, принуждение, насилие, убеждающее воздействие, критерии правомерного воздействия.

Любое межличностное взаимодействие предполагает оказание психологического воздействия как со стороны одного из субъектов, так и взаимное (перекрестное) воздействие коммуникаторов друг на друга. Совершенно очевидно, что допрос как один из коммуникативных процессов судебно-следственной деятельности невозможен без оказания психологического воздействия, которое может исходить и от допрашиваемого лица (например, с целью вызвать жалость, сочувствие), и от юриста. В научной и учебной литературе приводится достаточно большой перечень приемов психологического воздействия, рекомендуемый для использования практикующим работникам следственных органов в ходе проведения допроса. Однако, в среде ученых (психологов, криминалистов, правоведов) не утихают споры по вопросу о правомерности использования не просто тех или иных приемов психологического воздействия в судебно-следственной практике, а, в целом, о возможности применения психологического воздействия на личность допрашиваемого в уголовном процессе. Причем, с развитием демократии в нашей стране эти споры становятся все ожесточеннее (А.Р. Ратинов, 1967, 1973, 1976, 2001, 2008; М.С. Строгович, 1974; А.Н. Васильев, 1981; М.М. Коченов, Н.Р. Осипова, 1984; С.Ю. Якушин, 1986; Л.П. Гримак, В.Д. Хабалев, 1997; Н.А. Селиванов, 1997; В.Г. Пушкин, 2000; Э.У. Бабаева, 2001; М.И. Еникеев, 2001; С.К. Питерцев, 2001; Т.В. Аверьянова, 2001; А. Александров, С. Белов, 2002; А.Б. Соловьев, 2002; Г.А. Зорин, 2002; В.Н. Волков, 2002; В.А. Образцов, С.Н. Богомолова, 2002, 2003; В.Л. Васильев, 2003; Ю.В. Чуфаровский, 2003; О.Д. Калашников, 2004; О.Ю. Скичко, 2006 и др.).

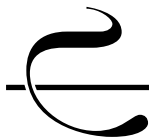

Все чаще стала высказываться мысль о том, что следователь вправе допускать лишь свободный рассказ допрашиваемого, т.к. использование каких бы то ни было приемов психологического воздействия в ходе допроса – это насилие над личностью, попрание ее прав, нарушение свобод. Безусловно, неграмотное использование приемов психологического воздействия в следственной практике может привести не только и не столько к нарушению норм профессиональной этики юриста, но и к более серьезным последствиям (например, к самооговору допрашиваемого лица). В настоящий период уже и широкой общественности известны многочисленные факты злоупотребления работниками силовых структур своими полномочиями – средства массовой информации, пользуясь всеми доступными средствами, приводят множество примеров, связанных с оказанием физического и психического насилия на граждан со стороны работников правоохранительных органов.

Понятно, что проблема оказания неправомерного воздействия на задержанных или допрашиваемых со стороны работников силовых структур – лиц, наделенных властными полномочиями, не чужда нашему обществу, в то время, как граждане истинно демократического, правового государства должны быть защищены от подобного произвола. Однако категоричные призывы к исключению из арсенала работников правоохранительных органов каких бы то ни было приемов правомерного психологического воздействия на личность допрашиваемого в ходе проведения следственных действий мы считаем необоснованным морализированием. Полагаем, что при условии правомерности психологическое воздействие в ходе расследования является как раз тем средством, которое в конечном итоге поможет достичь профессионально-важных целей уголовного судопроизводства, к которым, в первую очередь, относится вынесение законного наказания виновному через установление истины по уголовному делу.

Несмотря на многочисленные исследования, четкий понятийный аппарат понятий «психическое воздействие» и «психологическое воздействие» отсутствует и по этой причине, достаточно часто происходит их отождествление. В действующем УПК РФ понятие «домогательство показаний» не содержится. Статья 189 УПК РФ «Общие правила проведения допроса» не содержит указаний на запрет насилия, угроз, иных незаконных мер – часть вторая данной статьи гласит: «Задавать наводящие вопросы запрещается. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса», с учетом положений ст. 9 УПК РФ. Таким образом, в действиях следователя может не быть угроз или шантажа, но если применяемое им при получении показаний психологическое воздействие носит характер принуждения, то в его действиях содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ (принуждение к дачи показаний).

Вообще, под психическим насилием Законодатель всегда понимал угрозу в различных ее проявлениях, в действующем же Уголовном законе явно противопоставляются категории «насилие» или «угроза применения насилия», что и понятно – психическое насилие не может быть сведено лишь к угрозе. При этом, подход исследователей к определению психического насилия существенно различается.

Так, Е.Г. Веселов под психическим насилием понимает «любое целенаправленное деструктивное воздействие на психику человека: оскорбление, систематическое унижение человеческого достоинства, жестокое обращение, гипноз, принудительная инъекция наркотических средств или психотропных веществ, в том числе угроза причинения вреда своей жизни или здоровью» [4, с. 16]. Аналогично трактуют психическое насилие Л.В. Сердюк [25] и В.Ф. Иванов [9].

И.Н. Алексеев предлагает формулировать понятие психического насилия «строго в узком смысле, так как при широкой трактовке оно фактически приравнивается к понуждению», считая психическое насилие, в любом случае, шире угрозы, т.к. в случае не причинения вреда психике угроза из разряда «насилие» переходит в категорию «ограничение свободы волеизъявления». Автор относит к психическому насилию и крайнюю степень психического принуждения, и систематическое унижение достоинства, сопровождаемое оскорблениями, и гипноз в случае непосредственного причинения вреда психике (в противном случае гипноз предлагается рассматривать как ограничение свободы волеизъявления), а если под психическим насилием понимать любое целенаправленное деструктивное воздействие на психику, тогда в него закономерно включаются и шантаж, и угроза уничтожением или повреждением имущества (например, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ). Таким образом, автор под психическим насилием понимает вид (способ) психического принуждения, заключающийся в совершении общественно опасного и противоправного деяния в виде непосредственного психического деструктивного воздействия на потерпевшего. При этом, поскольку принуждение реализуется и в виде охранительной функции государства и права, не влекущей за собой намеренного целенаправленного причинения вреда, оно может употребляться как в положительном (законодательно закрепленные меры принуждения), так и в отрицательном смыслах (ч. 1 ст. 120, п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 147, ст. 179 УК РФ, понуждение через принуждение – ст.ст. 117, 133, 206 УК РФ), в отличие от «насилия», носящего исключительно отрицательный характер [3].

Р.А. Левертова [15] утверждает, что психическое насилие в отличие от физического, не нарушает целостности органов тела или его наружных тканей, оно не причиняет видимого физического вреда организму потерпевшего, а воздействует лишь на его психику, вызывая различные чувства – страх, гнев, возмущение. При этом, по мнению автора, психическое насилие выражается в угрозах причинить физический, моральный, имущественный вред, лишить каких-либо благ, ограничить субъекта в его свободном волеизъявлении.

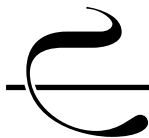
По мнению Л.Д. Гаухмана [6], угроза применения насилия – воздействие на психическую сферу организма человека, выражающаяся в запугивании применением физического насилия. В.Г. Пушков [22] говорит о том, что угроза психологического принуждения трактуется законодательством двояко: с одной стороны, тем, кто препятствует или может препятствовать достижению задач правосудия, с другой – тем, кто решает эти задачи средствами, запрещенными законом, противоречащими

нравственным законам общества и нарушающими конституционные права, свободы и интересы граждан.

В любом случае, Законодатель регламентирует оказание психического воздействия в сфере уголовного судопроизводства в общей форме – психического принуждения, к допустимым средствам которого относит задержание, избрание мер пресечения в отношении подсудимых, привод, угроза уголовной ответственности за дачу ложных показаний потерпевшими и свидетелями, принудительное освидетельствование, обыск и т.д. (раздел 4 УПК РФ – «Меры процессуального принуждения»). К средствам психического принуждения, запрещенным законом, относятся насилие, угрозы, издевательства, шантаж. Таким образом, *под психическим воздействием мы склонны понимать целенаправленные действия воздействующего, осуществляемые в форме психического принуждения отрицательного характера, направленные на достижение поставленной цели, в том числе и путем намеренного причинения вреда, повлекшие за собой изменения в психическом состоянии объекта воздействия*. Крайней формой психического воздействия отрицательного характера является психическое насилие, которое, как правило, бывает сопряжено с оказанием и физического насилия. К формам реализации психического воздействия отрицательной направленности, следует отнести следующие: 1) «суггестивную интервенцию» – насильственное вторжение в сознание субъекта с целью тотального подавления его воли, вследствие изменения психического состояния (гипноз, осуществляемый не в терапевтических, а в противоправных целях); 2) использование в противоправных целях психотропных препаратов, наркотических и токсических веществ; 3) использование внешних раздражителей, действие которых несет в себе разрушительный характер для психической деятельности человека (использование в противоправных целях ультразвука, яркого света и т.п.); 4) использование вербальных деструктивных средств (угрозы, обмана, шантажа, оскорблений).

Некоторые исследователи применение в противоправных целях психотропных препаратов, наркотических и токсических веществ относят к физическому насилию – виду физического принуждения, заключающегося в совершении общественно опасного и противоправного деяния в виде непосредственного физического деструктивного воздействия на потерпевшего [2, 9]. Конечно, насильственное введение инъекций, сопровождающееся причинением лицу физических страданий в целях понуждения к каким-либо действиям, противоречащим воле человека, на наш взгляд, можно рассматривать как комбинированное неправомерное воздействие – физическое насилие, сопряженное с психическим или наоборот. Но, как показывает практика, использование психотропных препаратов или одурманивающих веществ достаточно часто осуществляется завуалированно, в тайне от потерпевшего, без его желания на их применение, но и без применения физического насилия (типичными и самыми распространенными примерами подобных действий могут являться преступления, совершаемые с использованием клофелина). Таким образом, полагаем, что использование в противоправных целях психотропных

препаратов, наркотических и токсических веществ без применения физического насилия к субъекту в виде пыток, истязаний и причинения телесных повреждений, целесообразно относить к психическому воздействию.

Переходя к анализу воздействия посредством применения вербальных средств (угроз, оскорблений, издевательств и шантажа), необходимо отметить следующее. В тех случаях, когда использование указанных вербальных средств направлено на изменение не эмоционального, а психического реагирования субъекта, которое может выражаться в возникновении различного рода нарушениях сознания, расстройствах приспособительных реакций (острая реакция на стресс, депрессивная реакция разной продолжительности и т.п.), вплоть до возникновения реактивных состояний, можно говорить о психическом воздействии. При этом, применение вербальных средств будет носить массивный и (или) пролонгированный характер: например, неоднократные, в том числе, публичные оскорбления и (или) издеательства; угрозы и (или) шантаж, несущие в себе сверхзначимую для личности психотравмирующую нагрузку и т.д. Полагаем совершенно очевидным тот факт, что подобные действия, направленные на оказание психического воздействия в любой форме его применения являются неправомерными.

Случаи использования тех же вербальных средств с меньшей степенью интенсивности, носящих более сглаженный, но, тем не менее, психотравмирующий характер, целесообразно отнести к неправомерному психологическому воздействию, т.к. их действие способно изменить эмоциональное реагирование субъекта, которое может выражаться в возникновении различного рода эмоциональных реакций (страха, гнева, тревоги, испуга и т.д.) или состояний (эмоционального психологического стресса, состояния эмоционального напряжения или возбуждения, фрустрации и т.д.). Мы можем лишь теоретически предположить возможность изменения психического состояния лица, вследствие оказания на него неправомерного психологического воздействия. Например, разовое высказывание угрозы в адрес неустойчивой, тревожно-мнительной или истероидной личности может привести к возникновению у нее каких-либо невротических состояний (невроз навязчивых состояний, истерический или депрессивный невроз и т.п.), вследствие «застывания» на данной ситуации при переработке полученной информации по типу «умственной жвачки». Однако, в таких случаях пусковым механизмом для возникновения подобных состояний все же будет являться оказание неправомерного психологического, а не психического воздействия на личность. Вышеприведенные рассуждения в любом случае подтверждают выдвинутый нами тезис о том, что и психологическое, и психическое воздействие, реализованное через вербальное высказывание угроз, шантажа и оскорблений в адрес объекта воздействия, является неправомерным. Таким образом, *неправомерным психологическим воздействием можно считать целенаправленные действия лица, имеющие целью лишение объекта воздействия свободы выбора в принятии решения и в линии своего поведения, посредством изменения его эмоционального реагирования в ситуации взаимодействия через активное использование деструктивных средств и методов (обмана, шантажа, оскорблений и угроз).*

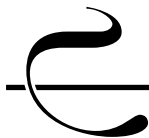

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о критериях правомерности психологического воздействия на личность допрашиваемого в уголовном процессе. Под воздействием, в широком смысле, подразумевается «взаимодействие двух или более систем, при котором функционирование одной системы оказывается причиной определенных изменений в структуре (пространственно-временных характеристиках) хотя бы одной из взаимодействующих систем» [11, с. 4–5]. В более узком значении психологическое воздействие трактуется как «вид воздействия, осуществляемого в отношении субъекта (индивидуального или группового) и вызывающего причинно-следственные изменения в его психике и опосредованно в его поведении» [10, с. 13].

Под правомерным поведением, по мнению В.В. Оксамытного [18], следует понимать деятельность личности в сфере социально-правового регулирования, основанную на сознательном выполнении норм права, которое выражается в их соблюдении, исполнении и использовании. В.В. Лазарев [14], отмечая различия в правомерном поведении в зависимости от характера правовых предписаний при их реализации, указывает на применение права как формы такого поведения. Ю.И. Новик [17] при анализе форм или структуры правомерного поведения исходит не из формально-логической юридической позиции, а из психологической, полагая, что выявление элементов психологического механизма правомерного поведения должно характеризовать различные формы направленности личности на совершение правомерных поступков, ее психическое отношение к своему поведению в правовой сфере и его последствиям. Полагаем, что вышеприведенные определения слишком широкие и размытые, т.к. исходя из формулы правового государства – «разрешено все, что не запрещено законом», любое поведение субъекта в государственно-правовой сфере, если оно не запрещено, можно будет считать правомерным.

Вообще, психологическое воздействие можно классифицировать по характеру (простое и сложное) и направленности воздействия (индивидуальное и коллективное). Форма осуществления психологического воздействия может быть открытой (обращение непосредственно к уровню сознания), закрытой (неочевидной, связанной с использованием приемов, воздействующих на сферу подсознания) и комбинированной, сочетающей в себе обе предыдущие. Исследователи по-разному трактуют виды, способы, методы и приемы психологического воздействия. Так, к способам психологического воздействия Г.М. Андреева [3] относит заражение, внушение, убеждение и подражание, а В.Н. Куликов [13] подразделяет их на убеждение, внушение и конформизм; В.Б. Ольшанский [19] воздействием в процессе общения считает информирование, инструктирование и стимулирование; А.Ю. Панасюк [20] выделяет принуждающее, манипулятивное, внушающее и убеждающее психологическое воздействие.

В.Г. Пушкин говорит о «недостаточности сведения психологического воздействия к процессу передачи информации, так как такой подход фиксирует лишь его формальную сторону, в то время как важна не только информация, но и ее

личностный смысл для объекта воздействия, способы передачи, учет ее прохождения через защитные барьеры личности, включение психологического воздействия в некую общую систему взаимодействия при понимании ситуации и ее контекста, учета связи между психологическим воздействием на практическом уровне, взаимоотражением сотрудников и иных участников уголовного процесса на когнитивном уровне и их взаимоотношениями на эмоциональном» [21, с. 152]. При этом, автор совершенно справедливо замечает, что «успешность реализации сценариев психологического воздействия зависит от компетентного владения сотрудниками достаточным арсеналом соответствующих средств, способов и тактик применения психологического воздействия» [22, с. 16].

А.В. Дулов, в свою очередь, не отрицает возможности «использования при психологическом воздействии нейтральной информации, не передающей целевого содержания, но оказывающей влияние на регулирование эмоциональных состояний, отношений, ослабление противодействия, распространения ее на принятие решений, формирование представлений объекта воздействия в силу наличия у него собственной информации» [7, с. 140].

По мнению В.В. Аврамцева психологическое воздействие – это активная, целенаправленная деятельность, продуктом которой является изменение параметров психики (мотивов, целей, отношений, установок, потребностей) объекта воздействия, значимых для достижения целей воздействующего. Автор выделяет следующие элементы психологического воздействия: 1) целенаправленность воздействия, наличие определенной цели, которую необходимо достичь в результате оказания воздействия на объект, в общении юриста цель задается в соответствии с профессиональными требованиями и на основе закона; 2) активный характер воздействия, что подразумевает произвольное управление воздействующим субъектом состоянием объекта воздействия; 3) изменение в результате воздействия субъективных характеристик объекта воздействия (потребностей, установок, отношений, способностей, деятельности, поведения и т.п.), значимых для достижения целей воздействующего [1].

А.Р. Ратинов предлагает критерии правомерности психологического воздействия в следственной практике, говоря о том, что правомерное психологическое воздействие отличается от психического насилия наличием у подследственного лица свободы выбора той или иной позиции. Автор утверждает, что «правомерное психическое влияние само по себе не диктует конкретное действие, не требует показание того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию человека, сознательное отношение к своим гражданским обязанностям и лишь опосредованно приводит его к выбору определенной линии поведения (добровольность выбора отличает, например, допрос, направленный на получение правдивых показаний, от домогательства признания). При насилии же человек существенно ограничен или вовсе лишен возможности выбирать для себя линию поведения, она предопределена альтернативой, которую ставит лицо, производящее расследование. При этом угрожающий

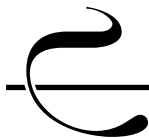

вред становится нередко главным побудителем. Единственное средство, позволяющее избежать угрозы, подследственный видит в том, чтобы выполнить продиктованное следователем», в то время как «следователь обязан активно влиять на рассуждения подследственного, формировать у него основания для принятия желательного следователю решения» [23, с. 57–163]. Разделяя позицию автора по существу, отмечаем, что в вышеприведенных утверждениях, опять же, присутствует отождествление понятий «психического» и «психологического» воздействия (в трактовке автора – «влияния»).

М.И. Еникеев приводит аналогичный критерий правомерности психологического воздействия: «средство достижения истины допустимо, если лицо, дающее показания, остается свободным в выборе линии своего поведения» [8, с. 463]. Подобной позиции придерживается и Н.П. Хайдуков, полагая, что воздействие на подследственного должно оказываться в «допустимо правомерной форме, когда оно не согласуется с волей и потребностями объекта воздействия, но и не ограничивает его прав, свободы выбора поведения и не противоречит законности и нравственным принципам общества» [12, с. 510].

Таким образом, *основным признаком правомерности психологического воздействия необходимо считать сохранение за лицом, подвергающимся воздействию, свободы выбора своей позиции при наличии условий для такого выбора*. Только при соблюдении данных условий психологическое воздействие не противоречит принципам законности и нравственности, являясь по своей сути, правомерным. В то же время, совершенно очевидно, что психологическое воздействие в деятельности расследования приобретает характер специфического феномена, присущего только ей [7], будучи обусловленным психологическими защитами подследственных и иных противодействующих лиц, интерпретацией ими событий преступления в собственных интересах, осознанным и неосознанным использованием средств противостояния задачам расследования и оказываемому на них психологическому воздействию [24].

Причем, арсенал противодействия следствию очень широк: от уклонения (завуалированного отказа участвовать в процессе расследования), сопротивления (открытого отказа выполнять законные требования сотрудника) и препятствования (противодействия путем активных действий) до дачи ложных показаний, использования инсценировок и т.д. Поэтому, по мнению В.Г. Пушкова [21] возможность использования психологического воздействия при расследовании преступлений обусловлена наличием таких факторов как позицией подследственного, направленной на противодействие расследованию в различных формах и недостаточностью или отсутствием доказательственной информации, тем более, когда единственным источником поступающей информации о доказательствах становится сам подследственный. В этом случае, по мнению автора, психологическое воздействие в деятельности следователя приобретает специфический характер психологической борьбы – его приемы и методы будут направлены на преодоление противодействия, изменение психической активности объекта воздействия к установлению истины по уголовному делу.

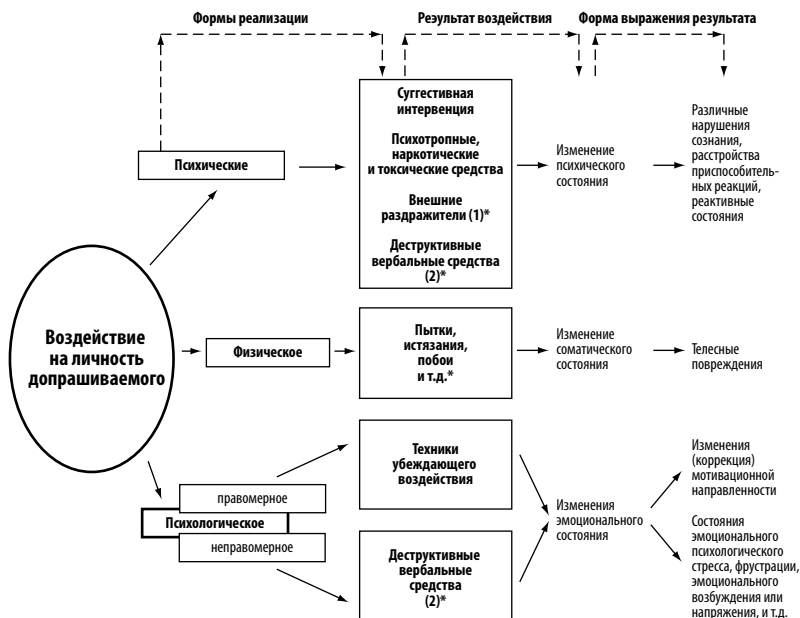
Полагаем, что не просто возможность, а необходимость использования приемов правомерного психологического воздействия в судебно-следственной деятельности обусловлена самим процессом юридического общения как сложного межличностного взаимодействия, не зависимо от избранной позиции допрашиваемого лица. Ситуация судебного следствия или предварительного расследования предъявляет особые требования к процессу общения – допрашиваемый, не зависимо от его процессуального статуса, личностных особенностей и мотивационной направленности всегда вынужден взаимодействовать с допрашивающим в той или иной форме (отказ от дачи показаний – тоже межличностное взаимодействие в ситуации допроса).

Не секрет, что оперативные работники видят проблему оказания психологического воздействия преимущественно в наличии противодействия, а следователи чаще связывают ее с наличием доказательств. При этом, направленность оперативных работников на быстрое раскрытие преступлений ориентирует их на ликвидацию сопротивления подследственных и их признание, а следователей – на поиск доказательств, подтверждающих признание или делающих его ненужным [5, 16]. Понятно, что данные подходы вполне можно объяснить стремлением юристов к достижению своих профессионально-важных целей. Однако, если говорить о весьма распространенных в среде работников правоохранительных органов методах неправомерного психологического воздействия (угроз, шантажа, обмана), можно с сожалением констатировать тот факт, что работники силовых структур, даже не желая того, а иногда, и незаметно для самих себя, переходят границу правомерности, но значительно чаще делают это вполне осознанно, идя по более легкому для них пути, не желая или не умея реализовывать правомерное психологическое воздействие через овладение его операциональной структурой, приобретением знаний и навыков в части применения его средств, приемов и методов.

При этом, необходимо отметить, что «обман» не упомянут в Кодексе в числе незаконных мер, вследствие чего его применение обсуждается с точки зрения морали и разграничения от введения в заблуждение [21]. Придерживаясь категорично-отрицательной позиции в части использования обмана даже как средства достижения юристом своих профессионально-важных целей, полагаем, что обман сам по себе является неправомерным психологическим воздействием, а введение объекта воздействия в заблуждение – спорным с позиции признания правомерности его применения, т.к. использование данного, безусловно, манипуляционного действия, в случае профессиональной обоснованности его применения, прямо предусмотрено Законом об оперативно-розыскной деятельности (п.п. 3, 4 ст. 15 Закона об ОРД). Однако, граница между «обманом» и «введением в заблуждение» (например, в рамках использования такого приема изобличения во лжи как «создание у допрашиваемого впечатления о большей осведомленности следователя в деталях расследуемого события») весьма тонка и переступить ее очень легко при отсутствии у следователя знаний, умений и навыков в использовании приемов правомерного психологического воздействия, а главное – желания не перейти эту

грань. Итак, *правомерным психологическим воздействием мы считаем активные, целенаправленные, подготовленные и инструментально оснащенные действия воздействующего, опосредованно приводящие к изменению или коррекции мотивационных линий, взглядов и установок объекта воздействия при сохранении за ним свободы выбора в линии своего поведения и принятии решения.*

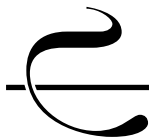
* – эмоциональное реагирование субъекта, выражающееся в возникновении различного рода негативно окрашенных эмоциональных реакций (страха, гнева, тревоги, испуга и т.д.)

1 – использование в противоправных целях ультразвука, яркого света и т.п.

2 – угрозы, шантаж, оскорбления, обман.

Рис. 1. Виды воздействия в уголовном процессе

Как видно из приведенной на рисунке блок-схемы, оказание всех трех видов неправомерного воздействия в определенных формах его реализации (пытках, истязаниях, побоях; при использовании деструктивных вербальных средств; посредством применения в неправомерных целях внешних раздражителей) сопровождается закономерным, ситуационно обусловленным эмоциональным реагированием допрашиваемого, выражающемся в возникновении различного рода негативно окрашенных эмоциональных реакций (страха, гнева, тревоги, испуга и т.д.), что при совокупности всех факторов, приводит к изменению психического, соматического или эмоционального состояния субъекта как результата неправомерного воздействия. Правомерным же является только психологическое воздействие, реализуемое через процесс убеждения, посредством применения

техник убеждающего воздействия с целью изменения или коррекции мотивационной направленности объекта воздействия.

При этом приемы изобличения во лжи, при использовании которых у допрашиваемого остается свобода выбора в принятии решения и линии своего поведения, мы также склонны относить к техникам убеждающего воздействия по следующим основаниям. Грамотное применение приемов изобличения во лжи в пределах правомерности способно подвинуть объект воздействия к рефлексивному анализу своего поведения, а через него – и к изменению мотивационной направленности в ситуации допроса, т.е. к предъявлению правдивых показаний. Таким образом, через процесс убеждения, включающий в себя, в том числе, и использование приемов изобличения во лжи можно достичь главной цели допроса – установления истины по уголовному делу. При этом, наивысшим результатом правомерного психологического воздействия на личность допрашиваемого, изначально дающего ложные сведения, считаем не только признание им своей вины, но и искреннего, глубокого раскаяния в содеянном, выступающего следствием действенного осуществления процесса убеждения.

Литература

1. Аврамцев В.В. Профессиональное общение в деятельности юриста юриста: Учебное пособие. – Н.Новгород: Издательство «Общество «Интелсервис», 2000.
2. Алексеев И.Н. Понуждение, принуждение и насилие в уголовном праве // Уголовный процесс. – № 1. – 2006. – С. 3–13.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 1988.
4. Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния. – Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002.
5. Волостов П.А. Роль поведения обвиняемого в формировании следственных ситуаций. – Дисс. канд. ... юрид.наук. – М., 1988.
6. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. – М., 1974.
7. Дулов А.В. Судебная психология: Учебное пособие для юридич. институтов и факультетов. Издание 2-е, испр. и доп. – Минск, 1975.
8. Еникеев М.И. Общая и юридическая психология: Учебник. – Часть 1. – М., 1996.
9. Иванов В.Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения. – Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1986.
10. Кабаченко Т.С. Активизация человеческого фактора: методы психологического воздействия // Психологический журнал. – № 4. – 1986. – С. 11–13.
11. Ковалев Г.А. О системе психологического воздействия (к определению понятия) // Психология воздействия (проблемы теории и практики): Сборник научных трудов / Под ред. А.А. Бодалева. – М., 1989. – С. 58–63.
12. Криминалистика. – М., 2001.
13. Куликов В.Н. Социально-психологические аспекты суггестии. – Дисс. ... канд. психол.наук. – Л., 1974.

14. Лазарев В.В. Правомерное поведение как объект юридического исследования // Советское государство и право. – № 10. – 1976. – С. 30.
15. Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Учебное пособие. – Омск, 1978.
16. Начаев Л.Т. Конфликтные ситуации при допросе и их разрешение в процессе расследования преступлений. – Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1988.
17. Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. – Минск, 1989.
18. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. – К., 1985.
19. Ольшанский В.Б. Межличностные отношения. // В кн.: Социальная психология / Под ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковина. – М., 1975.
20. Панасюк А.Ю. Психологические основы убеждающего воздействия. – Автореф. дисс. ... докт.психол.наук. – М., 1992.
21. Пушков В.Г. Специфика психологического воздействия в следственной практике // Психологический журнал. – Т. 18. – № 1. – 1997. – С. 146–156.
22. Пушков В.Г. Профессионально-психологическое воздействие в процессе расследования преступлений. – Автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 2000.
23. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 2001.
24. Ратинов А.Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого. – М., 1988.
25. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 2002.